

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации
«Художественная репрезентация антиномии «добро/зло»
в творчестве Н. Садур»,
представленной Симон Галиной Александровной
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.01.01. Русская литература

Научная проблема, решению которой посвящена диссертация Г. А. Симон, носит социокультурный характер – это очевидное доминирование в современном искусстве негативного мировосприятия и сосредоточенность на живописании победы зла (агрессивного, тёмного, жестокого начала) над всем, что представляет благо жизни. То, что в традиционном миропонимании виделось выражением смертельных, т. е. угрожающих общему бытию тенденций, и занимало законное, но маргинальное место, стало доминирующей топикой и эстетикой, и уже неясно, есть ли это болезненная реакция на безнадежно «испорченную» реальность или трансляция в мир разрушительной энергии ожесточённого сознания автора. Поскольку творчество Н. Садур вызывает именно такие вопросы, **актуальность** проделанного Г. А. Симон исследования состоит, во-первых, в выяснении мотивов сосредоточенности писательницы на изображении ужасного и безобразного и, во-вторых, в разработке методологии анализа и интерпретации сложноорганизованных текстов с непроявленной авторской позицией.

Новизна проведённого исследования состоит в системном рассмотрении практически всего корпуса прозы Н. Садур – от рассказов до романов, от мистических историй до почти исповедальных текстов, что позволяет расшифровать содержание оппозиции «добро/зло» во всех проявлениях: социальном, нравственном, психологическом, инфернальном, религиозном, онтологическом. Острота переживания доминирующего зла объясняется хаосом переходного периода истории. Полнота рассмотрения проблемы позволила избежать опасности дидактической интерпретации конфликта антиномий и раскрыла драму их осознания самой писательницей. Это дало убедительные основания

оценить автора не как приверженца жёсткого письма, т. е. самоценной эстетики нонконформизма, и не как проводника постмодернистского имморализма, а как хранителя классической системы христианских ценностей – тем самым признать Н. Садур «не маргинальным, а традиционным художником» (с. 164).

Философское содержание классической оппозиции освещено в Главе 1 «Антиномия “добро / зло” в динамике её культурно-исторического формирования», что позволило представить собственную концепцию Н. Садур как вполне самобытную. Кратко, но ёмко перечислен спектр обоснований антиномии от народной практической этики до философских идей, содержащих метафизическое видение неизбежности антитез (Платон, Плотин), и богословское разрешение конфликта у блаженного Августина. В этом разделе не хватает опоры на собственные слова Н. Садур, которая в интервью обычно высказывает болезненное ощущение всеприсутствия зла, но не обозначает собственную принадлежность к какой-либо системе миропонимания, кроме христианской (с. 105 и др.). Диссертантка пошла по пути выявления типологических соответствий, которые указаны, но не всегда подробно доказаны (с. 32), а поиск соответствий то в христианской, то в буддистской доктрине (с. 30) производит впечатление то ли эклектики, то ли стихийности сложившегося у писательницы видения взаимоотношений человека с внешним злом. Отсылки к С. Кьеркегору, Ф. Ницше, Н. Бердяеву, Д. Андрееву производят впечатление «пролегомен» к последующим главам работы, в которых подробно рассматриваются экзистенциальные и даже вампирические ситуации встречи со злом, поэтому было бы логично акцентировать эти параллели и в Заключение. Так же бегло очерчен ряд художественных сопоставлений, взятых из современности, убедительных (Л. Петрушевская, Ю. Кузнецов) или представляющих скорее панорамный фон, чем типологическую аналогию (Вик. Ерофеев, Э. Лимонов и др.). Тем не менее, надо признать, что прослеженная от романтизма через декаданс и до постмодерна тенденция эстетизации зла обеспечивает нужный для исследования литературный контекст.

Методологически более плодотворным стал поиск «фольклорно-мифологических корней» (с. 22) авторского понимания антиномии, что убедительно показано уже в 1 главе и подробно проанализировано в Главе 2 «Соотношение добра и зла в мифологической картине мира Н. Садур». В этой главе прослежена преемственность мифологического и христианского начал в миропонимании писательницы, что является органическим основанием для типологического сближения с высоким и трагическим образцом – «гоголевским текстом» (с. 45), на который демонстративно ориентируется Н. Садур. Задачей исследования был не только анализ особенностей творческого переосмысления коллизий «Вия» и образов «Мёртвых душ» в драмах «Панночка» и «Брат Чичиков», но и экстраполирование мировоззренческого родства на собственно садуровские прозаические тексты. Родство очевидно не столько в обращении к теме встречи с демоническим, сколько в трактовке «полого» человека как лёгкой добычи потусторонних сил. Очевидно, что обращение к инфернальной тематике не ограничивается «профилактическими» мотивами, т. е., как в фольклоре, стремлением предупредить об опасности (с. 103) и подсказать должную модель поведения. В диссертации впервые систематизирован развёрнутый спектр разноуровневых художественных сближений с гоголевским миропониманием. Среди мотивов обращения к запредельному выделена и психологическая потребность: Г. А. Симон поддерживает, но не развивает мысль о творческой зависимости автора от хтонических «источников вдохновения» (с. 105), поскольку исследовательнице важно доказать свою гипотезу о социально-психологических причинах засилья зла. Всё вместе позволяет сформулировать обязывающий вывод: «Такое количество параллелей с Гоголем выходит за границы формальных заимствований и свидетельствует об относительной тождественности художественных сознаний» (с. 105). Думается, осторожность оксюморонной формулировки нуждается в более точном акцентировании психологической и художественной близости, обусловленной особой чуткостью к присутствию инфернального в обыденном.

Смещение акцента на исследование поэтики реализации рассматриваемой антиномии уводит от погружения в психологию творчества, но сохраняет эври-

стический потенциал исследования. Так в Главе 3 «Способы репрезентации добра и зла в реалистической картине мира Н. Садур» интересно, убедительно представлено миромоделирующее сходство изображения коммунальной войны с коллизиями готического романа, точно выявлена необарочная поэтика полумистических рассказов из цикла «Бессмертники», последовательно раскрыта игра со сказочным архетипом повествования в лирическом романе «Немец». Всё это свидетельствует о глубокой теоретической, историко-литературной эрудиции исследовательницы, умении вдумчиво применить инструментарий структурно-типологического анализа. Выявлены не только архетипические основы представления двоемирия у Садур, т. е. соприсутствия очевидного смысла и мистического подтекста отношений героев, но и наработанный культурой опыт осмысления этих отношений. Всё вместе должно работать на идею защиты от хаоса опытом и средствами культуры – доминантную установку авторской позиции. Но объективно поэтика барокко, романтизма, готического романа есть и форма игры художника с запредельным, и не случайно в диссертации показана недееспособность у Н. Садур такого надёжного способа гармонизации хаоса, как волшебная сказка – она остаётся аллюзией, аллегорией взаимоотношений с «преlestным» немцем, но не моделью обретения любви. Это показывает, что у писательницы доминирует аналитическое сознание, а не воля к синтезу.

Содержание диссертации шире и глубже того, что обещают название, конкретные формулировки цели и задач, положения, выносимые на защиту, и резюмирующее работу Заключение. Логика исследования заявлена названиями глав, ориентирующих на отдельное рассмотрение мифологической и реалистической картины мира. Возникает закономерный вопрос: есть ли некая целостная картина? есть ли, например, связь между архаическим мифологическим представлением о границе миров и страхом персонажа перед амбивалентной миссией Гагарина, который то ли открыл путь в непознанное, то ли пробил дыру в неведомое? насколько эти страхи свойственны автору – или Н. Садур дистанцирована от коллективного бессознательного, а её тексты представляют

собой художественную игру с разными способами творческого моделирования материала?

Когда накопленный материал больше и богаче избранного ракурса исследования, это свидетельствует о значимости творчества Н. Садур и об открывающемся потенциале аналитика. Можно говорить о превышении смысла – в сравнении с поставленными целями и сформулированными результатами, следует также отметить широкие возможности дальнейшего осмысления темы, что свидетельствует в пользу научной интуиции диссертантки, избравшей трудно поддающуюся простой логике тему.

Так, **теоретическая значимость** диссертации Г. А. Симон связана с глубокой содержательной разработкой категории ужасного вне её подчинённой связи с трагическим и безобразным. Проза Н. Садур обеспечивает для этого достойные основания: ужасное онтологически предшествует всем конкретным проявлениям зла, получает в них материальное и психологическое выражение и становится соучастником диалога с человеком, будь то «пустой» персонаж или сам художник. Парадоксальный вывод исследовательницы подчёркивает гносеологический и даже гуманистический потенциал философско-эстетической категории: «Ужасное в творчестве Н. Садур ставит маленького человека перед последними вопросами бытия и подчеркивает хрупкость прекрасного мира, настраивая тем самым на бережное отношение к нему. Это и есть гоголевское “туманное место” в творчестве писательницы» (с. 66).

Поскольку у Садур ужасное доминирует над всеми позитивными характеристиками мира, то Г. А. Симон исследует баланс отношений между добром и злом в разных его проявлениях и конкретное наполнение понятий. Справедливо отмечено, что добро лишено характерности, но общая тенденция представляет неизбежное поражение (гибель, эскапизм, безумие) бескорыстного, светлого и любящего при столкновении с агрессивным, inferнальным, животным. Однако обречённость не освобождает от требования посильного, но стойкого сопротивления героев, персонифицированных в облике Алексея, человека Божия (роман «Сад»), или автобиографической героини минималистского «ро-

мана» «Чудесные знаки спасения» (в пользу лирического образа повествовательницы свидетельствует упоминание друга Саши, в котором узнаётся погибший поэт и рок-певец Александр Башлачёв).

Неакцентированная, но узнаваемая автобиографичность «реалистических» текстов Н. Садур, по поэтике не слишком отличающихся от мистических произведений, свидетельствует в пользу целостности художественного мира писательницы, и это освобождает исследовательницу от описания его в хронологическом развитии. Но это, в свою очередь, требует интегрального определения творческого метода автора. В диссертации Г. А. Симон приводятся уже выработанные формулы, например, «мистический реализм», но сама исследовательница склоняется к размытой характеристике: «природа поэтики Н. Садур готична и поэтична по приёмам и реалистична по своей сути» (с. 169). Но такая аттестация совпадает по формальным показателям, а главное, по познавательной установке – «превратить зрение – в прозрение» (с. 169) – с сюрреализмом. Можно ли остановиться на таком определении метода?

Возникшие вопросы свидетельствуют о содержательности и перспективности проведённого Г. А. Симон исследования. Высокая степень обоснованности наблюдений и достоверность каждого из полученных выводов, сформулированных научных положений побуждает к развитию научной концепции, дающей оригинальную интерпретацию творчества Н. Садур как яркого выразителя современного катастрофического сознания.

Практическая значимость исследования состоит в соединении разработанной в теории типологии синкретических моделей современного письма (необарокко и др.) с анализом особенностей их художественного воплощения в трансгрессивной поэтике Н. Садур. Особо следует отметить актуализацию гуманистической интенции автора, доказательное обоснование её активности. Выявлена антропология доброго человека: чуткость, интуиция, самоотверженность, победа над импульсами агрессии. Всё это способствует раскрытию глубины и сложности позиции художника, неординарной личности творца, а также места писательницы в современном литературном процессе.

Диссертация Г. А. Симон, при высокопрофессиональной теоретической оснащённости, написана простым и ясным языком, свидетельствующим о продуманности исследовательской интерпретации отдельных произведений Н. Садур и всего творчества в целом, включая и драматургию. Мысль структурирована, главы сдержат разделы, логика членения материала и развития аналитики выделена подзаголовками. Заключение по главам носят обобщающий характер и не повторяются в конце работы. Библиография содержательна и оформлена в соответствии с правилами.

Исследование Г. А. Симон проведено в традициях классической филологии, сочетающей философское рассмотрение проблематики произведений с раскрытием особенностей мировоззрения автора через анализ поэтики художественных решений, что чрезвычайно ценно для поддержания авторитета концептуально гуманистических методов интерпретации текстов.

Работа прошла серьезную апробацию, о чем свидетельствует 9 публикаций, из них 3 в изданиях, рекомендованных ВАК, а также 5 выступлений на конференциях разных уровней. Автореферат и опубликованные работы в полной мере отражают содержание диссертации.

Диссертация Г. А. Симон «Художественная репрезентация антиномии “добро/зло” в творчестве Н. Садур» соответствует всем требованиям «Положения о присуждении ученых степеней» (утв. постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. N 842), а ее автор заслуживает искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 Русская литература.

24.04.2014

Профессор кафедры новейшей русской литературы
факультета филологии и журналистики
Иркутского государственного университета
доктор филологических наук

И. И. Плеханова

Плеханова Ирина Иннокентьевна
Адрес факультета: 664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2
Рабочий телефон: 8-395-2-24-39-95
e-mail: oembox@yandex.ru

